

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 82.0

ДИАЛЕКТИКА КАТЕГОРИИ ТОПОСА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Булгакова А. А.

*УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
г. Гродно, Беларусь E-mail: abulgakova@inbox.ru*

В статье анализируется топос как культурно-типологическая семиотическая единица, обладающая внутренней противоречивостью. Раскрывается значимость и актуальность данного термина как понятия топологического дискурса, отмечается его полисемантность, специфика трактовки в философии и культурологии, логике и риторике, социолингвистике и когнитивном направлении исследований языка и речи. Топос рассматривается одновременно как ментальная и языковая единица, организованная на основе бинарных оппозиций и проецирующая пространственную семантику в литературное произведение. Ставится вопрос о возможности функционирования топоса не только в литературном, но и другом художественном тексте (музыкальном, живописном и т. п.). Топос анализируется как понятие, совмещающее устойчивое (единица «бессознательной поэтики»), фиксирующая устойчивые связи между предметами и явлениями и сохраняющая «генетический код» культуры) и изменчивое (модифицирующая семантику и структуру под воздействием внешних и внутренних факторов). Выявляется диалектика в топосе универсального (устойчивое семантическое ядро, носитель наднациональных смыслов) и национального (развитие периферийных субтопосов, имеющих национальную окрасченность). Ставится вопрос о взаимодействии в топосе, который тесно связан с понятием художественного пространства, абстрактного и конкретного, предметно-чувственного. Определяется возможная корреляция понятий «топос» и «гетеротопия» (М. Фуко), их семантическая, структурная и функциональная близость.

Ключевые слова: топос, субтопос, культурная универсалия, фрейм, диалектика, гетеротопия.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время отмечается повышенный интерес гуманитарных наук к изучению пространственно-временного континуума во всей многогранности и многоаспектности этого понятия. При этом исследовательский вектор направлен в сторону изучения пространственных характеристик бытия и понятий топологического дискурса. Как писал М. Фуко, «мы живем в пору, когда мир ощущается не столько как великая жизнь, что развивается, проходя сквозь время, сколько как сеть, связывающая между собой точки и перекрещивающиеся нити своего клубка» [27, с. 191]. Вследствие этого все пространственные термины оказываются семантически нагруженными или даже перегруженными. Вопрос об их содержании стоит достаточно остро, в частности, о смысле термина «топос», ставшего в последнее время особенно популярным, о чем свидетельствует возросшее количество работ, посвященных ему. Но не только интерес к пространству как таковому обуславливает внимание к топосам. Данная категория, как нам видится, оказывается в центре пересечения особенно актуальных в нынешнее время, отмеченное антропологическими сдвигами, исследований когнитивной деятельности

человека и изучения механизмов культурной памяти, стержнем которых и является пространственность.

Очевидно, что, несмотря на наукоемкость термина «топос», его частое использование в различных гуманитарных науках (литературоведение, риторика, языкознание, социология, философия, искусствоведение, культурология и др.), а возможно, и благодаря ему, данное понятие на сегодняшний день все же остается терминологически нечетким и полисемантическим.

В *логике и риторике* (Л. Арбузов, Л. В. Ассуирова, Л. Борншеуэр, Н. А. Донская, Р. Лаусберг, Р. Лахманн, А. К. Михальская, Р. Николози, Г. Г. Хазагеров, В. Шмидт-Биггеман и др.) топика рассматривается в теории аргументации, при этом упор делается на понимание топоса как «способа развертывания мысли и текста» [28, с. 7] и подчеркивается его коммуникативная природа и прагматическая установка.

Когнитивное направление в исследовании топоса ведется в рамках концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности и сопоставляет это понятие с концептом и фреймом. Топос рассматривается как универсальный способ представления знаний о мире, «модель категориального аппарата мышления» [2, с. 35]. Видим, что здесь основной акцент делается на гносеологические и эпистемологические возможности топики. Интересно, что отдельные представители риторической школы вовсе отрицают наличие в топосе когнитивного компонента (ср. Г.Г. Хазагеров: «Топосфера существует не в сознании, а в общении» [28, с. 10]), что, на наш взгляд, весьма дискуссионно, ведь любая аргументация основана на логических приемах, и хотя бы это уже связывает топос с когнитивной сферой.

В *литературоведении* категория топоса имеет наибольшую неопределенность. Трактовки топоса как варианта мотива, архетипа (А. Е. Махов), пространственного образа или объекта, локализирующего действие героя (М. М. Бахтин, Д. Ю. Боклах, О. А. Калмакова, Ю. Прокофьева, О. Е. Фролова) и др., в большей степени основаны на работах Э.Р. Курциуса.

Как правило, в литературоведении топика рассматривается в историко-литературном аспекте, а именно изучаются конкретные реализации того или иного топоса в творчестве определенного автора (О. А. Богданова, Л. Н. Гарданова, А. Е. Рылова, Г. В. Синило, С. Цикавый и др.), реже – в контексте его исторического бытования в литературе (Т. Е. Автухович, Е. Ч. Богдевич, Н.Е. Рябцева, Е. В. Сахарова, М. В. Топчиева и др.). Между тем, как показывает анализ исследовательской традиции, изучение топики в единстве теоретического и исторического аспектов является более продуктивным, как это, к примеру, реализовано в работах профессора, доктора филологических наук Т. Е. Автухович [1].

Культурологическая трактовка топоса сводится к пониманию его как категории культуры, фиксирующей ее «генетический код» (В. Н. Топоров), «универсального элемента человеческого опыта» [7, с. 283], «сгустка пространств, погруженного в культуру» [10, с. 68] и несущего «отпечаток отношений человек – пространство – культура» [25, с. 112]. В данном направлении топос сближается с культурными универсалиями (Л. Е. Артамошкина, Я. Ассман, Т. Брейер, Э. Лассан, У. Эко, З. Хайнади и др.).

В аспекте *психологии* топику можно рассматривать в качестве инструмента для решения коммуникативных задач. Очевидно, что восприятие топоса как «структурно-смысловой модели» (Н. А. Донская [11]) дает возможность использовать его в методиках «мозгового штурма», «шести шляп», синектики (аналогий), «морфологического ящика», фокальных объектов, SCAMPER и др., а также при построении «ментальных карт» (mind map – интеллект-карта, карта мыслей, диаграмма связей, ассоциативная карта). Структура mind map, представляющая древовидную схему, включающую центральное понятие и слова, идеи, образы, связанные ветвями, исходящими от него [4], напоминает структуру топоса (парадигму субтопосов и сеть образов-метафор, с помощью которых топос вербализуется в тексте).

Использование термина «топос» в *социолингвистике* базируется на риторическом его прочтении, однако здесь подчеркивается его амбивалентная природа, бинарность («в него заложены положительные и отрицательные ценности» [2, с. 34]), являющаяся важной характеристикой его кода, и социокультурная обусловленность (соотнесенность с ценностями и предпочтениями адресата [2, с. 35]). При прочтении термина *социологами* на первый план выходит важность топоса для формирования идентичности социальных групп через выделение собственного пространства и заполнение его культурными метафорами и символами, референтными для определенного социума (см. идеи Я. Ассмана, М. Хальбвакса).

Топологическое направление *философских* исследований, представленное довольно обширным рядом имен (А. Лефевр, Дж. Ло, П. Флоренский, М. Фуко, М. Хайдеггер и др.) прежде всего исходит из классической аристотелевской трактовки топоса и рассматривает его в качестве «множественного объекта (полифонической структуры), существующего в качестве пересечений различных пространств» [29, с. 57]. Топос в постнеклассической научной парадигме рассматривается как особый репрезентант мира, отражающий способность индивида жить в конкретном месте и выстраивать отношения определенным образом. Топос характеризуется как открытое пространство с «переменной размерностью и нетривиальной топологией» [26, с. 73], пространство не физическое, а виртуальное, обладающее динамичностью, изменчивостью, возможностью иметь множество сингулярностей и создавать новые локальные пространства-миры. В данной трактовке нам наиболее интересно сопоставление топоса и гетеротопии и выявление отношений между ними.

Учитывая важнейшие достижения когнитивистики, культурологии, риторики, философии, пропустив их через себя именно на уровне новых литературоведческих подходов, мы увидели в термине «топос» огромный исследовательский потенциал и множество возможностей как для изучения непосредственно данной терминологической единицы, так и для глубочайшего анализа художественных текстов (и даже не только литературных!), которые рассматриваются нами как проекция ментальных изменений в восприятии и объяснении мира.

В своих исследованиях мы не отказываемся полностью от трактовки Э. Р. Курциуса, на которую опирается большинство литературоведов, и не критикуем ее. Скорее, выдвигая на первый план интегральную природу термина «топос», хотим

вернуть ему ту смысловую объемность и многогранность, которая была дана данному понятию Аристотелем во время господства синкретичной парадигмы науки (время, заметим, подобное нашему).

Топос, по нашему мнению, внутренне неоднородная категория, совмещающая амбивалентные характеристики, которые, по законам диалектики, не только сосуществуют и образуют единство, но и должны вступать в борьбу. Остановимся на некоторых из подобных противоречий и поставим ряд вопросов, возникающих в связи с ними, решение которых, на наш взгляд, требует проведения дополнительных исследований.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Топос как ментальная и языковая единица

Как мы уже отметили, термин «топос» многозначен. Каждое из научных направлений, пользующихся данной категорией, исходит из формулировок, данных термину Аристотелем в трактатах «Риторика», «Физика» и «Поэтика». И в первую очередь это постулаты, декларирующие связь топоса с пространством. Возможно, именно пространственный компонент в семантике топоса и множественность подходов к определению понятию пространства, ключевого для современного гуманитарного знания, накладывают отпечаток на смысловое наполнение термина «топос» в различных научных парадигмах, а порой даже и в рамках одной научной школы.

Соотнесенность с пространством позволяет топосу не только рассматриваться в качестве некоего пространственного объекта в тексте (и который уместнее было бы все же называть локусом), но и выступать как пространство человеческого знания, выполняющее структурирующую функцию и фиксирующее устойчивые логико-смысловые отношения между предметами и явлениями мира в сознании человека. В этом топос сближается с фреймом, который, согласно М. Минскому, представляет собой сеть, состоящую из узлов и ассоциативных связей между ними, на основе которой совершаются базовые когнитивные акты, такие как восприятие и понимание сообщений [17]. Благодаря фреймовой организации сознания человек, желая познать новый элемент мира или новое явление, выбирает определенную структуру данных и соотносит это знание с уже имеющимся, помещая его в незаполненный слот (структурный элемент фрейма). Структура фрейма в целом напоминает нам структуру топоса, хотя пространственные характеристики нерелевантны для фрейма, в отличие от анализируемого нами топоса.

Многогранность и тотальная вовлеченность топоса в пространственные отношения приводит к рассмотрению топоса как *ментальной единицы*, организованной по законам структурирования пространства на основе бинарных оппозиций и проецирующего пространственную семантику в художественный текст. В то же время ментальные фреймы эксплицируются с помощью языка или сходных с ним семиотических систем. Следовательно, топос – в той же мере *языковая единица*, в коей ментальная – не существует вне текста и не может быть рассмотрен в отрыве от него.

Это дает нам постановку следующего вопроса: *может ли топос функционировать не только в литературном, но и в любом другом художественном (музыкальном, изобразительном, живописном, кинотексте и др.) и, возможно, нехудожественном (публицистическом, рекламном, научном и др.) тексте?*

Топос как ментальный фрейм, когнитивный коррелят знания, непременно должен проецировать устойчивые связи – не только логические, как в риторическом высказывании, но и метафорические, в тексте. Это может быть сделано с помощью любой семиотической системы. Музыка, живопись, кино, как и литература, обладают собственным языком и создают с его помощью тексты, входящие в семиосферу, где происходит знаковая коммуникация и становится возможным семиозис. Однако следует заметить, что механизмы, способы и средства «вербализации» топоса в соответствующей семиотической кодировке будут различны.

О топосе в музыкальном искусстве писали А. А. Галкин, Л. В. Кириллина, Т. С. Коваленко, И. М. Кривошей, Н. В. Пилипенко и др., рассматривая его не только и не столько как ««общее место» музыкального дискурса» [9, с. 10], но и как «некую область абстрактных идей и конкретных образов, воплощенных музыкальными средствами» [14, с. 113] и сопоставляя с лейтмотивом, слово-образом, художественной константой (термины, используемые И. М. Кривошей [15, с. 175]). Музыковеды так же, как и теоретики литературы, подчеркивают противоречивый характер этого термина, указывая на его модификационный потенциал и смысловую подвижность с одной стороны, и матричность, ограниченность, «связанную со смысловым восприятием» [14, с. 113], с другой, а также выявляют корреляцию топоса с художественным направлением [9, с. 13]. Не упускают они из виду и пространственную семантику данного понятия, характеризуя с помощью топоса (обычно в его качестве выступают топосы *простор, море, озеро, лес, мир, сад, дом, космос* и т. п.) место действия героя, его внутренний мир в отдельных произведениях или творчестве определенного композитора в целом. Что касается репрезентации «системы «общих мест», позволяющих обозначить ключевые координаты художественного мира произведения» [14, с. 113], то исследователи признают способом воплощения топоса в музыкальном тексте метафорическое миромоделирование (его теория развита Е. С. Кубряковой, А. П. Чудиновым, З. И. Резановой, Н. А. Мишанкиной и др.). И. М. Кривошей называет их «ключевыми», заимствуя данный термин у Н. Арутюновой, и сравнивает с «концептуальными метафорами» Дж. Лакоффа и М. Джонсона, а также «парадигмами образов» Н. Павлович. Таким образом, очевидно, что термин «топос» проникает в музыковедение и приживается там и, что вероятно, может стать интегральным для наук о различных видах искусства, которые имеют дело с пространственным миромоделированием.

Понятие «топос» в исследованиях живописи или архитектуры не используется, однако немало трудов, в которых искусствоведы описывают так называемые «базовые» метафоры, или «метафоры-символы» (мир – книга, мир – храм, мир – сад и др.), которые представляют собой визуальные аналоги литературных тропов, в творчестве отдельных художников, определенных направлениях и архитектурных

стилях [3; 19; 20; 24]. Поэтому есть вероятность того, что термин «топос» будет востребован и в искусствоведении.

Топос как единство устойчивого и изменчивого

На первый взгляд, может показаться, что содержание топоса и субтопосов (структурных единиц в составе топоса) и реальная мировоззренческая позиция автора должны вступать в противоречие, однако это возможно лишь в том случае, если мы примем за основу утверждение о том, что топос прежде всего *единица «бессознательной поэтики»*. При таком подходе мы будем рассматривать фигурирование в тексте субтопосов как устойчивых формул, клише, когнитивных рамок, ментальных фреймов, которые ограничивают авторское сознание и по существу уже не отвечают ментальности изменившейся эпохи.

Однако мы все же не настолько категоричны в понимании «закостенелости» топоса как архетипической структуры в коллективном и индивидуальном сознании и предполагаем, что когнитивные рамки, существование которых обусловлено схожестью мыслительных процессов человека, все же допускают изменение их внутреннего наполнения, *содержательные трансформации субтопосов* и их *структурные переконфигурации* (см. схожие идеи в работах В. Гримальди – топос как «место для комбинирования и перекомбинирования» [32, с. 129]), которые неизбежно возникают и обусловлены рядом факторов. Среди них – изменение ментальности эпохи и мировоззренческие сдвиги в авторском сознании, которое осмысливает действительность по-особому, хотя и в рамках общекультурной идеологии. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что топос – это единство *устойчивого* (инвариант, «застывшая» структура, организованная бинарными оппозициями, отражающими сущность человеческого бытия) и *изменчивого* (семантика субтопосов, их вариации в тексте, способы и средства вербализации, экспликации в конкретном произведении), *архетипического* (выработанного коллективно) и *индивидуально-авторского* (авторская эпистема). При этом устойчивые значения формируют смысловое ядро топоса, а вариативные, инновационные образуют его периферию, что не исключает их перемещение или смену при изменении культурной парадигмы.

В поддержку своей точки зрения приведем мнение некоторых исследователей, представителей разных научных направлений. О топосе как не консервативной, а «адаптивной» категории писал представитель риторического подхода Г. Г. Хазагеров, утверждая, что «топосы подвержены селекции в соответствии с предпочтениями эпохи и национальным менталитетом» [28, с. 12], а изменения в топосфере «гибко отражают сдвиги в общественном сознании» [28, с. 11]. О вариативных возможностях топоса заявляла Т. Е. Автухович, отмечая при этом ограниченность вариаций субтопосов изначально заданными рамками значений [1]. С опорой на Р. Барта и К. Дурэма о возможностях расширения смысловых границ топоса («топос – подвижная граница») заявляет О. В. Боровикова [5, с. 39], а Т. Брейер даже выделяет отдельную категорию «индивидуальных топосов» в кругу «топосов культурной памяти», чтобы подчеркнуть изменчивую природу данного феномена [30, с. 106]. О соединении архетипического, надличностного, анонимного

и уникального, авторского начал в топосе писал и Э. Р. Курциус, подчеркивая преимущественно бессознательную сущность топоса как «внеличностного стиливого элемента» [31].

Образованность топоса бинарными оппозициями гносеологического (истина – ложь; разум – интуиция; слово – вещь; безграничность – ограниченность и др.), онтологического (бытие – небытие; космос – хаос; жизнь – смерть; Бог – человек и др.) и аксиологического (сакральное – профанное; духовность – телесность; прекрасное – безобразное и др.) характера, выступающими «культурным кодом переработки и хранения информации о мире» [13, с. 43], обуславливают развитие топоса – порождение метафор двунаправленного характера, тяготеющих к одному из полюсов оппозиции, что порождает «диссипативность текста» (понятие технических наук, примененное к тексту А. Киклевич [13, с. 55]), то есть возможность коренного изменения картин мира. Это изменение, выраженное в смене полюсов (от положительно маркированного члена диады к отрицательному и наоборот) вызывается сменой культурной парадигмы и выражается в модификации структуры и семантики топоса.

Итак, топос, с одной стороны, сохраняет архетипическое, устойчивое содержание, выступая как смысловая модель [18, с. 44]), а с другой стороны, коррелирует с литературным направлением и индивидуально-авторским восприятием и объяснением мира, что находит отражение в текстовой конфигурации субтопосов.

Существование в топосе этих двух противонаправленных тенденций – к сохранению семантического ядра и продуцированию новых смыслов, на наш взгляд, может быть объяснено, каким бы это ни казалось парадоксальным, взаимосвязью топоса с механизмами памяти. Обнаружение связи между памятью человека и его воображением является общепринятым, о чем неоднократно заявлял Л. Выготский [8]: воображение использует «следы» прошлых воспоминаний, впечатлений, представлений, которые присутствуют также и в подсознании. В основе памяти и воображения лежат схожие механизмы, однако при этом задача памяти – восстановить систему образов в максимальной приближенности к эталону, а задача воображения – исходные образы преобразовать (насколько это возможно). Эти тенденции характеризуют и творческий процесс: сознательное или бессознательное обращение к топосам – «генетическому коду» культуры – дает импульс к созданию новых образов.

Именно благодаря этим, подчеркнутым, равнозначным тенденциям топос одновременно может являться фактором преемственности литературы и фиксировать изменения мировоззрения и смену литературных направлений, отражая инновационность культуры в целом и литературного процесса в частности. И в этом, как мы считаем, заключается особая ценность топоса, из чего следует необходимость его тщательного изучения как одного из важнейших терминов теоретической и исторической поэтики.

Топос как единство универсального и национального

Еще одно противоречие, которое можно обнаружить при анализе категории топоса, – это противоречие между *универсальным* и *национальным*. Насколько

уместно говорить о влиянии национальной культуры на структуру и семантику топоса? Корректно ли сравнивать один и тот же топос в произведениях авторов одной эпохи, но отнесенных к разным культурным традициям? Какова доля национального в топосе?

Здесь можно провести параллель между топосом и культурной константой, с которой некоторые исследователи его отождествляют. Культурные константы общепринято разделять на национальные и универсальные [23]. Уместно ли перенести это разделение на топос и подобным образом выделить общекультурные, или универсальные, топосы и национальные? С одной стороны, это может показаться верным решением. Следуя этой логике, к примеру, топос *дачи* мы отнесем к топосам национальным, отражающим реалии действительности русского (как и топос степи, тайги, коммуналки и т. п.), а позже – советского человека, а топос *книги* (мир, сад, храм, тюрьма, море и др.) – к топосам общекультурным. С другой стороны, это может являться методологической ошибкой, а частности, из-за того, что под топосами мы все же понимаем универсальную схему мышления, своего рода рамку, фиксирующую стандартные связи и отношения между явлениями. А вот содержание этой рамки, которое составляют метафорические образы, и способы экспликации этих образов в тексте, как раз таки и могут отражать специфику национального видения мира. Это соотносится с высказыванием А. А. Леонтьева о том, что «в основе мировосприятия и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем» [16, с. 20].

Возможно, ответить на этот вопрос поможет сама структура топоса и соотнесенность его с понятиями «локус» и «субтопос». Парадигму топоса составляют устойчивые образы, связанные между собой логически или метафорически – локусы, или субтопосы. В своих работах мы используем именно второй вариант во избежание терминологической путаницы. Это обусловлено тем, что, несмотря на установившиеся в научной литературе отношения между топосом и локусом как отношения иерархии, некоторые исследователи пользуются лишь одним из терминов, рассматривая их как тождественные (М. А. Андрюнина, Н. В. Налегач и др.), другие, напротив, разводят их, третьи наделяют понятие «локус» совершенно иным смыслом. Следуя за лотмановской традицией в трактовке данного термина (П. З. Гольдин, Ю. М. Лотман, В. Ю. Прокофьева, Т. В. Субботина и др.), трактующей термин «локус» через топос как «ограниченное пространство в составе безграничного» [21, с. 87], мы можем сказать, что он представляет собой пространство более закрытое, локальное, то есть вариацию, частный случай топоса. В таком случае *семантическое ядро топоса* будет оставаться прежним и выступать как *универсальное, надкультурное образование*, в то время как его *периферийные локусы (субтопосы)* будут *национально окрашены* и обусловлены картиной мира, ментальностью народа, к которому принадлежит автор произведения.

Поясним это на примере топоса *дом*. Это топос, глубинный, онтологический смысл которого определен оппозициями «открытое – замкнутое», «свое – чужое», «мирное – враждебное», заложен в мифологическом сознании и выражен в древних прецедентных текстах. Но в русской традиции он может быть представлен субтопосами избы, усадьбы, дачи, коммуналки, барака, в то время как в

латиноамериканской или западноевропейской литературе будут фигурировать иные вариации топоса.

Диалектика конкретного и абстрактного в топосе

Возникновение топоса на пересечении множества различных пространств, на что указывает Е. А. Шанцева, позволяет рассматривать его как многоуровневое образование, реализующее одновременно абстрактный и конкретный, предметно-чувственный планы в соответствии с различными уровнями художественного пространства. Организация его как знаковой системы позволяет совмещать их, и это не выглядит противоречивым, хотя и может на первый взгляд показать таковым.

Абстрактное пространство текста в большей степени наделено признаком всеобщности и выражает универсальное содержание. Конкретное, привязанное к географическим реалиям, задает эмоциональный тон произведения и влияет на эволюцию характеров [12, с. 51]. В таком понимании топос как условная форма, выражающая философские идеи, может считаться разновидностью абстрактного пространства. В то же время, если принять во внимание тот факт, что топос может восприниматься как конкретное место действия в произведении, то очевидно, что в таком случае его следует рассматривать как единицу пространства конкретного.

Реальный план топоса, исходящий из представления его как «места», заполненного вполне конкретными вещами, имеющего географические и физические характеристики, оказывается тесно связанным с абстрактными уровнями – ментальным и семиотическим, или уровнем культуры. Данные уровни коррелируют с определением топоса как ментальной и языковой единицы и отражают реальный, перцептуальный и концептуальный уровни художественного пространства, на каждом из которых топос функционирует по-разному (в качестве системы локусов, иконического знака, лейтмотива, образа-символа в творчестве писателя, культурной универсалии).

Реальное пространство текста соотносится с конкретным (предметным) планом топоса. Однако восприятие топоса только как «места действия» является, на наш взгляд, ограниченным и отражает ньютоновскую концепцию пространства, экстраполируемую в сферу эстетики в целом и литературоведения в частности. На перцептуальном уровне, где топос представлен как схема-фрейм, отражающая субъективно выстроенные связи и отношения между явлениями в тексте в виде образа-символа, повторяющегося в контексте творчества писателя, и на концептуальном, где он функционирует как универсалия и рассматривается в контексте общекультурных типологических моделей, актуализируется абстрактный план топоса.

В конкретном произведении возможна реализация всех уровней пространства топоса в разной мере, а может превалировать один план. Их соотношение обуславливает специфику функционирования топоса в конкретном литературном направлении. Так, панзнаковый характер русского барокко обуславливает функционирование топоса *мир* в культурном семиозисе и преобладание в нем абстрактного начала над конкретным, в то время как для аналогичного топоса в литературе предромантизма не менее важным оказывается конкретный, предметно-

чувственный план. Превалирование одного из планов определяет приемы воплощения топоса в тексте, преобладание специфических риторических тропов и фигур, объясняющих характер взаимоотношений между словом и вещью, знаком и значением в творчестве отдельного писателя и литературном направлении в целом.

Топос и гетеротопия

Объемность понятия «топос», восприятие его в качестве пространства, фиксирующего определенные связи и отношения, позволяет соотнести топос с научным концептом гетеротопии, введенным в оборот М. Фуко («толкование фукианской гетеротопии остается неоднозначным» [22, с. 144]). Философ определял гетеротопию как особым образом устроенное, неоднородное по структуре место, обладающее своим временем и выступающее по отношению к другим пространствам в качестве дополнения или противопоставления: «Мы живем в рамках множества отношений, определяющих местоположения, не сводимые друг к другу и совершенно друг на друга не накладывающиеся» [27, с. 195].

Топос функционирует на различных уровнях художественного пространства, одновременно репрезентирует пространство языковое и ментальное, пространство коллективного и индивидуального сознания, следовательно, представляется возможным его функционирование в тексте в качестве гетеротопии (см., к примеру, рассуждения Е. Ч. Богдевич [6]).

Характеристики гетеротопии, описанные как самим М. Фуко, так и его последователями, разрабатывающими теорию гетеротопии (Б. Дженюккио, П. Джонсон, Э. К. Филимон, М. Никольчина и др.), а именно полисеманτικότητα, особые отношения гетеротопии с реальным пространством, изолированность и проницаемость, сложная структура, позволяющая совместить целый ряд пространств в одном, обусловленность мировоззренческими основаниями эпохи и культурной парадигмой («каждая конкретная гетеротопия может начать функционировать по-иному при изменении общей синхронии культуры, в которой она находится» [27, с. 198], что проецируется и на топос, который также подвержен модификации в связи с меняющимся сознанием эпохи вплоть до инверсии ядерных и периферийных значений), способность активизироваться в переходные периоды историко-культурного развития и т. п., при глубоком рассмотрении оказываются весьма близкими топосу как семиотической, культурно-типологической единице.

Топос также является одновременно закрытой и открытой структурой, в той же мере изолированной от внешних интенций (устойчивое образование), сколь проницаемой (несет отпечаток авторского сознания, культуры, эпохи).

Как и гетеротопии, топосы, в частности, те, что выполняют миромоделирующую функцию (топосы *мир, дом, храм, сад, книга* и их субтопосы), актуализирующуюся в переходные периоды развития культуры, играют компенсаторную роль, замещая реальную (травмирующую сознание человека, испытывающего недоверие к ценностям прошлого и страх перед неизвестностью) действительность обращением к устойчивым ценностно-смысловым моделям и предлагая иное по отношению к реальному пространству, не тождественное ему, но при этом имеющее с ним прочную связь.

Таким образом, очевидно, что понятия топоса и гетеротопии коррелируют друг с другом. Ответ на вопрос том, являются ли топосы гетеротопиями по определению либо могут функционировать в качестве гетеротопии при определенных условиях, требует, на наш взгляд, полноценного исследования.

ВЫВОДЫ

Итак, понимание диалектической природы топоса позволяет увидеть, что противоречия внутри данной категории (ментальная и языковая природа, устойчивость и изменчивость, универсальность и культурная обусловленность, целостность и неоднородность) способствуют ее развитию и обеспечивают актуальность топосов и постоянное их присутствие в семиосфере. Дополнительные исследования, направленные на поиск ответов на поставленные вопросы, позволят уточнить объем термина «топос» как поэтологической категории, расширить представления о его функциях в литературном и общекультурном процессе, закономерностях и механизмах структурно-семантических трансформаций, предложить и обосновать типологию топосов.

Список литературы

1. Автухович, Т. Е. Топика в смене литературных эпох [Текст] / Т. Е. Автухович // Автухович Т. Е. Поэзия риторики: очерки теоретической и исторической поэтики. – Минск: РИВШ, 2005. – 204 с.
2. Баребина, Н. С. Роль категории «топос» в исследовании аргументативного взаимодействия в социальной системе [Текст] / Н. С. Баребина // Научное мнение. – 2012. – № 9. – С. 32–35.
3. Брускин, Г. Все прекрасное – ужасно, все ужасное – прекрасно: Этюды о художниках и живописи [Текст] / Г. Брускин. – М.: НЛЮ, 2017. – 241 с.
4. Бьюзен, Т. Супермышление [Текст] / Т. Бьюзен, Б. Бьюзен. – Минск: ООО «Попурри», 2003. – 304 с.
5. Боровикова, О. В. Методология оправдания топики посредством «выявления топоса» [Текст] / О. В. Боровикова // Вестник Томского гос. ун-та. – 2011. – № 349. – С. 38–44.
6. Богдевич, Е. Ч. Топос «книга» в литературном процессе XX–XXI вв.: генезис, структура, семантика, динамика развития [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 / Е. Ч. Богдевич. – Минск, 2020. – 26 с.
7. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая / Отв. ред. М. А. Кронгауз, вст. ст. Е. В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
8. Выготский, Л. Воображение и творчество в детском возрасте [Текст] / Л. Выготский. – М.: Перспектива, 2020. – 125 с.
9. Галкин, А. А. Смысловые грани пасторального топоса в симфониях Г. Малера [Текст] / А. А. Галкин // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. – 2018. – № 1 (47). – С. 10–14.
10. Гольдин, П. З. Топонимика, локус и топос малых улиц в парадигме семиотики [Текст] / П. З. Гольдин // История, философия, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – 2012. – № 11–2 (25). – С. 66–69.
11. Донская, Н. А. Развитие категории «топос» в риторике и лингвистике [Текст] / Н. А. Донская, Л. В. Ассуирова // Вестник МГПУ. – 2019. – № 1 (41) – С. 93–101.
12. Есин, А. Б. Время и пространство [Текст] / А. Б. Есин // Введение в литературоведение. Литературное произведение. Основные понятия и термины: уч. пособие / Л. В. Чернец,

- В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др.; под ред. Л. В. Чернец. – М.: Высш. шк.; Академия, 1999. – С. 47–62.
13. Киклевич, А. Притяжение языка. Том 1: Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика [Текст] / А. Киклевич. – Olsztyn : Instytut Dziennikarstwa i Komunikacji Społecznej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2007. – 396 с.
 14. Кириллина, Л. В. Топос и символ в поэтике Римского-Корсакова [Текст] / Л. С. Кириллина // Научный Вестник Музыкальной Консерватории. Вып. 4. – М.: Консерватория, 2015. – С. 108–139.
 15. Кривошей, И. М. Слово-образ «простор» как художественная константа поэтики русского романса [Текст] / И. М. Кривошей // Проблемы музыкальной науки. – 2009. – № 2. – С. 175–181.
 16. Леонтьев, А. А. Языковое сознание и образ мира [Текст] / А. А. Леонтьев // Языковое сознание: парадоксальная рациональность. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1993. – С. 16–21.
 17. Минский, М. Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский ; пер. с англ. О. Н. Гринбаума ; под общ. ред. Ф. М. Кулакова. – М. : Энергия, 1979. – 150 с.
 18. Михальская, А. К. Основы риторики. Мысль и слово : уч. пособие / А. К. Михальская. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
 19. Настюк, Е. Окно как символ в искусстве. Портал в иные миры [Электронный ресурс] / Е. Настюк. – Режим доступа: https://artchive.ru/encyclopedia/2740~Okno_kak_simvol_v_iskusstve_Portal_v_inye_miry (дата обращения 10.08.2020).
 20. Петренко, В. Ф. Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналоги литературных тропов [Текст] / В. Ф. Петренко, Е. А. Коротченко // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2008. – Т. 5. – № 4. – С. 19–40.
 21. Прокофьева, В. Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы [Текст] / В. Ю. Прокофьева // Вестник ОГУ. – 2011. – № 5. – С. 87–94.
 22. Радченко, Т. А. Гетеротопии в романе М. Эмиса «Беременная вдова» [Текст] / Т. А. Радченко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Том 2 (68). – 2016. – № 2. – Ч. 2. – С. 140–150.
 23. Райков, А. Культурные константы / А. Райков // Топос: литературно-философский журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/kulturnye-konstanty-4> (дата обращения 09.09.2020).
 24. Раппопорт, А. Г. Метафора в архитектуре / А. Г. Раппопорт [Электронный ресурс] / А. Г. Раппопорт. – Режим доступа: http://papardes.blogspot.com/2011/02/1983_09.html (дата обращения 20.09.2020).
 25. Субботина, Т. В. Локус, топос, урбоним, микротопоним: к вопросу о содержании пространственных понятий [Текст] / Т. В. Субботина // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. Вып. 57. – 2011. – № 24 (239). – С. 111–113.
 26. Туркина, В. Г. Город как «топос» [Текст] / В. Г. Туркина // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. – 2009. – № 2 (57). – С. 73–79.
 27. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: в 4 ч. [Текст] / М. Фуко. – М.: Праксис, 2006. – Ч. 3. – С. 191–205.
 28. Хазагеров, Г. Г. Топос vs Концепт: к изучению топосферы культуры [Текст] / Г. Г. Хазагеров // Известия Южного Федерального ун-та. Философские науки. – 2008. – № 3. – С. 7–26.
 29. Шенцева, Е. А. Топос философии [Текст] / Е. А. Шенцева // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2018. – Т. 31. – Вып. 1. – С. 57–68.
 30. Breyer T. On the Topology of Cultural Memory. Different Modalities of Inscription and Transmission. Würzburg: Königshausen&Neumann, 2006. 119 p.

31. Curtius E. R. *European Literature and the Latin Middle Ages*; Translated from the German by Willard R. Trask. NY: Harper & Row, 1963. 658 p.
32. Grimaldi William M. A. *Studies in the Philosophy of Aristotle's Rhetoric*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1972. 151 p.

References

1. Avtuhovich T. E. *Topika v Smene Literaturnyh Epoch* [Topics in the Change of Literary Epochs]. Minsk: RIVSh Publ., 2005. 204 p.
2. Barebina N. S. *Rol' Kategorii «Topos» v Issledovanii Argumentativnogo Vzaimodeystviya v Social'noj Sisteme* [The Role of the Category "Topos" in the Study of Argumentative Interaction in the Social System]. *Nauchnoe Mnenie*, 2012, no 9, pp. 32–35.
3. Bruskin G. *Vse Prekrasnoe – Uzhasno, Vse Uzhasnoe – Prekrasno: Etyudy o Hudozhnikah i Zhivopisi* [Everything Beautiful is Terrible, Everything Terrible is Beautiful: Sketches about Artists and Painting]. Moscow: NLO Publ., 2017. 241 p.
4. B'yuzen T. *Supermyshlenie* [Superthinking]. Minsk: OOO «Popurri» Publ., 2003. 304 p.
5. Borovikova O. V. *Metodologiya Opravdaniya Topiki Posredstvom «Vyyavleniya Toposa»* [Methodology of Justifying Topics by Means of "Revealing the Topos"]. *Vestnik Tomskogo Gos. Un-ta*, 2011, no 349, pp. 38–44.
6. Bogdevich E. Ch. *Topos «Kniga» v Literaturnom Processe 20th–21th vv.: Genezis, Struktura, Semantika, Dinamika Razvitiya: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Topos "Book" in the Literary Process of the 20th–21th Centuries: Genesis, Structure, Semantics, Dynamics of Development. Abstract of Thesis]. Minsk, 2020.
7. Vezhbickaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari Publ., 1996. 416 p.
8. Vygotskij L. *Voobrazhenie i Tvorchestvo v Detskom Vostraste* [Imagination and Creativity in Childhood]. Moscow: Perspektiva Publ., 2020. 125 p.
9. Galkin A. A. *Smyslovye Grani Pastoral'nogo Toposa v Simfoniyah G. Malera* [Semantic Facets of Pastoral Topos in G. Mahler's Symphonies]. *Aktual'nye Problemy Vysshego Muzykal'nogo Obrazovaniya*, 2018, no 1 (47), pp. 10–14.
10. Gol'din P. Z. *Toponimika, Lokus i Topos Malyh Ulic v Paradigme Semiotiki* [Toponymy, Locus and Topos of Small Streets in the Paradigm of Semiotics]. *Istoriya, Filosofiya, Politicheskie i Yuridicheskie Nauki, Kul'turologiya i Iskusstvovedenie*, 2012, no 11-2 (25), pp. 66–69.
11. Donskaya N. A. *Razvitie Kategorii «Topos» v Ritorike i Lingvistike* [Development of the Category "Topos" in Rhetoric and Linguistics]. *Vestnik MGPU*, 2019, no 1 (41), pp. 93–101.
12. Esin A. B. *Vremya i Prostranstvo* [Time and Space]. *Vvedenie v Literaturovedenie. Literaturnoe Proizvedenie. Osnovnye Ponyatiya i Terminy: Uch. Posobie*. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; Akademiya Publ., 1999, pp. 47–62.
13. Kiklevich A. *Prityazhenie Yazyka. Vol. 1: Semantika. Lingvistika Teksta. Kommunikativnaya Lingvistika* [The Attraction of the Language. Vol. 1: Semantics. Linguistics of the Text. Communicative Linguistics]. Olsztyn: Instytut Dziennikarstwa i Komunikacji Spolecznej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2007. 396 p.
14. Kirillina L. V. *Topos i Simvol v Poetike Rimskogo-Korsakova* [Topos and Symbol in the Poetics of Rimsky-Korsakov]. *Nauchnyy Vestnik Muzykal'noy Konservatorii. Vyp. 4*, 2015, pp. 108–139.
15. Krivoshej I. M. *Slovo-obraz «Prostor» kak Hudozhestvennaya Konstanta Pojetiki Russkogo Romansa* [The Word-image "Space" as an Artistic Constant of the Poetics of the Russian Romance]. *Problemy Muzykal'noj Nauki*, 2009, no 2, pp. 175–181.
16. Leont'ev A. A. *Yazykovoe Soznanie i Obraz Mira* [Language Consciousness and Image of the World]. *Yazykovoe Soznanie: Paradoksal'naya Racional'nost'*, 1993, pp. 16–21.

17. Minskij M. *Frejmy dlya Predstavleniya Znaniy* [Frames for the Presentation of Knowledge]. Moscow: Energiya Publ., 1979. 150 p.
18. Mikhal'skaya A. K. *Osnovy Ritoriki. Mysl' i slovo: Uch. Posobie* [Foundations of Rhetoric. Thought and Word: a Tutorial]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1996. 416 p.
19. Nastyuk E. *Okno kak Simvol v Iskusstve. Portal v Inye Miry* [Window as a Symbol in Art. Portal to Other Worlds]. Available at: https://artchive.ru/encyclopedia/2740~Okno_kak_simvol_v_iskusstve_Portal_v_inye_miry (accessed 10 August 2020).
20. Petrenko V. F. *Obraznaya Sfera v Zhivopisi i Literature. Vizual'nye Analogi Literaturnyh Tropov* [The Figurative Sphere in Painting and Literature. Visual Analogs of Literary Tropes]. Psihologiya. Zhurnal Vysshey Shkoly Jekonomiki, 2008, vol. 5, no 4, pp. 19–40.
21. Prokof'eva V. Yu. *Kategoriya Prostranstvo v Hudozhestvennom Prelomlenii: Lokusy i Toposy* [The Category of Space in Artistic Refraction: Loci and Toposes]. Vestnik OGU, 2011, no 5, pp. 87–94.
22. Radchenko T. A. *Geterotropii v Romane M. Emisa «Beremennaya Vdova»* [Heterotopies in the Novel by M. Amis "The Pregnant Widow"]. Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Vol. 2 (68), 2016, no 2, part 2, pp. 140–150.
23. Raikov A. *Kul'turnye Konstanty* [Cultural Constants]. Available at: <http://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/kulturnye-konstanty-4> (accessed 9 September 2020).
24. Rappoport A. G. *Metafora v Arhitekture* [Metaphor in Architecture]. Available at: http://papardes.blogspot.com/2011/02/1983_09.html (accessed 20 September 2020).
25. Subbotina T. V. *Lokus, Topos, Urbonim, Mikrotoponim: k Voprosu o Soderzhanii Prostranstvennykh Ponyatij* [Locus, Topos, Urbanonym, Microtoponym: on the Question of the Content of Spatial Concepts]. Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. Filologiya. Iskusstvovedenie. Issue 57, 2011, no 24 (239), pp. 111–113.
26. Turkina V. G. *Gorod kak «Topos»* [City as a "Topos"]. Nauchnye Vedomosti BelGU. Ser. Filosofiya. Sociologiya. Pravo, 2009, no 2 (57), pp. 73–79.
27. Fuko M. *Intellektualy i Vlast': Izbrannye Politicheskie Stat'i, Vystupleniya i Interv'yu: v 4 p.* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews: in 4 parts]. Moscow: Praxis Publ., 2006. P. 3, pp. 191–205.
28. Hazagerov G. G. *Topos vs Kontsept: k Izucheniyu Toposfery Kul'tury* [Topos vs Concept: Towards the Study of the Toposphere of Culture]. Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo un-ta. Filosofskie nauki, 2008, no 3, pp. 7–26.
29. Shenceva E. A. *Topos Filosofii* [Topos of Philosophy]. Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya, 2018, vol. 31, pp. 57–68.
30. Breyer T. *On the Topology of Cultural Memory. Different Modalities of Inscription and Transmission.* Würzburg: Konigshausen&Neumann, 2006. 119 p.
31. Curtius E. R. *European Literature and the Latin Middle Ages*; Translated from the German by Willard R. Trask. NY: Harper & Row, 1963. 658 p.
32. Grimaldi William M. A. *Studies in the Philosophy of Aristotle's Rhetoric.* Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1972. 151 p.

The article analyzes the topos as a cultural-typological semiotic unit with internal contradiction. The significance and relevance of this term as a concept of topological discourse is revealed, its polysemantic nature, the specificity of interpretation in philosophy and cultural studies, logic and rhetoric, sociolinguistics and the cognitive direction of language research are noted. The topos is viewed simultaneously as a mental and linguistic unit, organized on the basis of binary oppositions and projecting spatial semantics into a literary work. The question about the possibility of topos functioning not only in literary, but also in other literary text (musical, pictorial, etc.) is raised. The topos is analyzed as a concept that combines stable (a unit of "unconscious poetics", fixing stable connections between objects and phenomena and preserving the "genetic code" of culture) and changeable (modifying semantics and structure under the influence of external and internal factors). The dialectic in the topos of the universal (a stable semantic core, a carrier of supranational meanings) and national (the development of peripheral subtopos that have a national coloration) is revealed. The question of interaction in topos, which is closely related to the concept of artistic space, abstract and concrete, subject-sensory, is raised. The eventual correlation of the concepts "topos" and "heterotopy" (M. Foucault), their semantic, structural and functional proximity is determined.

Key words: topos, subtopos, cultural universals, frame, dialectics, heterotopy.